

Ludmiła Łucewicz
Uniwersytet Warszawski

О РЕЛИГИОЗНОЙ ДУХОВНОСТИ В ПЕРИОД АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ОТТЕПЕЛИ

Оттепель началась для многих советских людей с появлением каких-то очень частных явлений бытовой жизни, которые сразу оказались замеченными, воспринимались как многозначные и показательные или даже как «неслыханные», «потрясающие».

Приведу небольшой пример. Московский поэт *Мансарды* — Валентин Хромов — вспоминал:

[...] оттепель началась сразу после смерти Сталина, буквально в первые же дни, а не после XX съезда, как теперь многие думают. 1953 год, апрель месяц. Вдруг по радио: «Передаем песни и романсы Вергинского». Это было неслыханно. И тут же: «Звучит танцевальная мелодия» — и передают танго, фокстрот (Вергинский, танго, фокстрот — все это воспринималось как западничество и много лет находилось под негласным запретом — Л.Л.). Косвенные, конечно, свидетельства, но для того времени совершенно потрясающие¹.

Оттепель с ее либерализацией внешних сторон жизни советских людей, казалось, затронула всех и каждого. В то время, действительно, тоталитаризм несколько ослабил свои позиции, прекратились устрашающие судебные процессы — т.н. «ленинградское дело», «дело врачей», др., начались амнистии уголовных и частично политических репрессированных, произошла относительная опять-таки, но все же демократизация общественно-политической жизни, появилась сравнительно большая свобода творческой деятельности в целом и некоторая свобода слова в частности и прочее.

Но вот что касалось религиозной жизни, положения верующих в стране, деятельности Русской Православной Церкви, то в этой сфере

¹ В. Хромов: *Мы всегда занимались только искусством*. На сайте: *Русская виртуальная библиотека. Неофициальная поэзия*. <<http://www.rvb.ru/np/publication/02comm/04/04hromov.htm>>.

не только не произошло каких бы то ни было послаблений, но, наоборот, в сравнении с предыдущим десятилетием, началась заметная активизация антирелигиозной борьбы. Появились секретные постановления ЦК КПСС, которые чуть ли ни в режиме военного времени обязывали партийные, комсомольские и общественные организации «развернуть наступление» на «религиозные пережитки». Государственным учреждениям предписывались административные мероприятия, направленные на ужесточение условий существования религиозных общин². Разрабатывались документы, всячески дискредитирующие религию, веру, церковь³. Религия, как известно, была объявлена главным противником научного мировоззрения. Была сформулирована задача: поставить антирелигиозную пропаганду на «научную» основу. Для этого предпринято издание научно-популярного журнала «Наука и религия» (с 1959 г.)⁴, открывались Дома научного атеизма, а при АН СССР был даже создан специальный Институт научного атеизма (с 1964 г.). Институт должен был координировать научную работу по атеизму; имел свою аспирантуру, издавал свой журнал «Вопросы научного атеизма». В целом были значительно увеличены тиражи антирелигиозной литературы. О. Александр Мень вспоминал:

Я подсчитывал: в эти годы антирелигиозная пропаганда дошла до того, что в день выходило по 6,7 книги, каждая из которых имела миллионный тираж. В день! Прямо стрельба из «катюш», минометов... — по религии⁵.

Уже через два года Институт атеизма победно рапортовал о том, что религия находится в состоянии упадка; «большинство населения Советского Союза освободилось от религиозных взглядов, верований и традиций»; в сознании же тех, кто «еще не порвал с религией», произошли заметные сдвиги, отразившиеся в растущем «безразличии к вопросам догматики» и во «все более эпизодическом и формальном» соблюдении религиозных праздников и обрядов. Отмечалось также, что воспитательная работа партии ослабила связи между верующими

² См., например, *О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам „О недостатках научно-атеистической пропаганды“* от 4 октября 1958 года.

³ 16 октября 1958 года Совет Министров СССР принял Постановления *О монастырях в СССР* и *О повышении налогов на доходы епархиальных предприятий и монастырей*.

⁴ Ранее, с января 1926 по июнь 1941 года издавался ежемесячный научно-методический атеистический журнал «Антирелигиозник» — орган Центрального Совета Союза Воинствующих Безбожников СССР.

⁵ А. Мень: *Воспоминания*. На сайте: *Библиотека Якова Короткова*. <<http://www.krotov.info/yakov/dnevnik/1996/000842.html>> (9.01.2011).

и религиозными организациями, а также значительно сократила «воспроизводство религии в новых поколениях»⁶.

Вместе с тем, по свидетельству того же о. Александра Меня, Сергея Аверинцева и ряда других мемуаристов-шестидесятников, именно после войны явно начала подниматься волна интереса к религиозной жизни, к историческому духовному наследию, которые становились для определенного круга людей альтернативой официальной идеологии.

Кстати сказать, гонениям на Русскую Православную Церковь и религию в СССР в период оттепели посвящено на удивление мало специальных исследований. Мне удалось ознакомиться только с монографией Михаила В. Шкаровского⁷, где ученый характеризует т.н. религиозный курс Хрущева как путь от перемирия к «новой войне». Новый генсек видел реальную опасность для «строителей коммунизма» в «неискоренённости религиозного самосознания в СССР». И были на то свои основания. Так, Аверинцев в статье *Обращение к Богу советской интеллигенции...* вспоминал:

Казалось бы, во второй половине 50-х годов, когда переживания молодежи фокусировались на XX съезде и тому подобных событиях и свободолюбие выливалось во вполне секулярное русло, патристика не была темой. И всё-таки: только я поступил на филологический факультет, шел 1956 год, и мне сразу встретился сверстник, для которого самым важным и самым интересным философом во всей истории философии был Августин как автор *De Civitate Dei*⁸ (*О Граде Божьем* — Л.Л.).

Рост внимания к религиозно-философской проблематике в обществе был очевиден не только для Аверинцева. И власти обратились вновь к уже испытанному методу — жесточайшему административному давлению на Русскую Православную Церковь. Вновь начали закрывать монастыри и храмы (их число сократилось к 1965 г. до 7,5 тыс., т.е. вдвое по сравнению с предыдущим десятилетием), были ликвидировали многие приходы. О. Александр Мень отмечал:

⁶ См.: *О выполнении партийными и общественными организациями, идеологическими учреждениями и ведомствами постановлений ЦК КПСС по вопросам атеистического воспитания*. На сайте: *Российское объединение исследователей религии*. <<http://www.rusoir.ru/03print/02/239/>> (9.01.2011).

⁷ М.В. Шкаровский: *Русская Православная Церковь и Советское государство в 1943–1964 годах. От «перемирия» к новой войне*. Санкт-Петербург: ДЕАН + АДИА-М 1995; новейшее издание в 2005 г.

⁸ С.С. Аверинцев: *Обращение к Богу советской интеллигенции в 60–70-е годы*. На сайте: *Библиотека Гумер. Литературоведение*. <http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/aver/obr_bg.php> (9.01.2011).

Храмы закрывались при самых безобразных обстоятельствах: вламывались, входили, надевали шапки и бросались тут же все ломать. Я не могу сказать — я даже отрицаю, что непосредственно свыше было дано указание закрывать церкви хамски. Было сказано: закрывайте культурными способами, щадя чувства верующих. Но эти олухи на местах — раз начальство велит — стали душиить людей⁹.

Церкви запретили заниматься харитативной деятельностью, священники были обязаны фактически сотрудничать с КГБ, на молодых людей, желавших получить религиозное образование, оказывалось сильнейшее общественное давление, за религиозные убеждения исключали из школ, вузов. Иерей Павел Адельгейм свидетельствовал:

В 1954 году мне предложили уйти из средней школы “по собственному желанию” за то, что читал и пел в церкви. Директор считал, что эти факты мешают атеистической работе в школе. Пришлось уйти. Взрослым было еще тяжелее. Исключали из высших учебных заведений. Приходилось скрывать свои убеждения на работе из страха перед унижительной процедурой «перевоспитания»¹⁰

И все-таки интерес к религии, предметам религиозного культа существовал. Работники музеев придумали интересный ход — предметы религиозного культа начали переводить в разряд сугубо культурных памятников. Как уникальное культурное явление трактовалось, например, открытие в Москве в Спасо-Андрониковом монастыре к 600-летию Андрея Рублева музея его имени. В экспозиции музея на всеобщее обозрение впервые было выставлено большое собрание икон. Открывались также выставки древнерусской культовой скульптуры, фресковой живописи. Начали публиковаться и специальные научные труды. Однако в целом конец 1950 — начало 1960-х гг. — это время воинственного атеизма.

О какого же рода духовности в творчестве — в литературе, в поэзии — может идти речь в период официального безверия? Отвечая на этот вопрос, очевидно, следует вспомнить о том, что во все времена духовную направленность творчеству придавало некое особое чувство, близкое религиозному, которое ориентировало автора на некую абсолютную ценность. Поэтический дух, по свидетельству многих художников слова, стоит под знаком религиозного начала преображения. Варлам Шаламов в 50-е гг. в стихотворении *Поэзии* писал:

⁹ А. Мень: *Воспоминания...*

¹⁰ П. Адельгейм: *Своими глазами*. Москва: Крестовоздвиженское малое братство 2010, с. 42.

Ты ведешь мою душу
 Через море и сушу,
 Средь растений, и птиц, и зверей.

Ты отводишь от пули,
 Ты приводишь июли
 Вместо вечных моих декабрей.
 Ищешь верного броду,
 Тащишь свежую воду
 К моему пересохшему ргу.
 И с тобой обрученный,
 И тобой облученный,
 Не боясь, я иду в темноту.
 И на небе — зарницы,
 Точно перья жар-птицы
 Неизвестных еще островов¹¹.

Поэзия и вера здесь идут рука об руку и неотделимы друг от друга. Поэту изначально присуще (и, как оказывается, в атеистическую эпоху также) религиозное восприятие самой поэзии и поэтического вдохновения. С религиозным восприятием поэзии связано религиозное восприятие красоты вообще, когда красота и величие природы мыслится как след божественного начала. Немаловажно и то, что в поэзии характер лирических переживаний может быть уподоблен религиозным настроениям в широком разнообразии их интимно-психических оттенков. Стихи, как неоднократно отмечали сами поэты, нередко рождаются из особых — молитвенных — движений души, подобно таким чувствам, как покаяние, вера в милосердие Божие, надежда на спасение, христианская любовь, мистическое созерцание, пророческое прозрение... Такого рода чувства сохранились и в период хрущевской оттепели, они были присуще, как оказалось, не только, например, Анне Ахматовой или Борису Пастернаку — поэтам, сформировавшимся в эпоху блистательного серебряного века с его повышенным вниманием к вопросам религиозной философии, или мистически настроенному Даниилу Андрееву, или репрессированному сыну священника — Варламу Шаламову. Молитвенные движения души проявлялись, например, в творчестве создателя знаменитого словечка «сам-себя-издат» («самиздат») Николая Глазкова, Арсения Тарковского, Николая Заболоцкого, а также у поэтов нарождающегося андеграунда. Андеграунд 50-х гг. определялся деятельностью одиночных литературных групп, эстетически устремленных к модернистским, авангардистским традициям начала XX в.,

¹¹ В. Шаламов: *Стихотворения*. В кн.: *Средь других имен: сборник*. Москва: Московский рабочий 1990, с. 215–216.

которым не чужды были и религиозные порывы. Поэты полулегальных объединений почти не были представлены в официальной прессе, об антисоветской манифестальности в их деятельности речь не идет, но некие религиозные интенции им были свойственны. В Ленинграде на рубеже 40–50-х гг. возникла группа — «Орден нищенствующих художников». К «Ордену» себя причисляли Александр Арефьев, Рихард Васми, Родион Гудзенко, Вадим Преловский, Владимир Шагин, Валентин Громов, Шолом Шварц. Душой сообщества стал неизлечимо больной, нищий поэт Роальд Мандельштам (его интересовала библейская поэзия Николая Гумилева). А чуть позже возникла группа, получившая впоследствии неофициальное название «ахматовские сироты» — ученики Анны Ахматовой конца 1950-х- начала 1960-х гг. Сюда входили Иосиф Бродский, Владимир Уфлянд, Дмитрий Бобышев, Анатолий Найман, Евгений Рейн, др., прекрасно знавшие молитвенную поэзию Ахматовой. Московскую *Мансарду* возглавил тогда студент библиотечного факультета, библиофил и эрудит — Леонид Чертков, а членами группы стали в основном студенты Московского института иностранных языков: впоследствии замечательный переводчик Андрей Сергеев, человек необычной судьбы Станислав Красовицкий, утонченная поэтесса Галина Андреева, а также Валентин Хромов, Олег Гриценко, др. К группе примыкал Николай Шатров, чьи стихи особо выделял Борис Пастернак. Близким другом и духовником Шатрова в начале 60-х гг. стал о. Александр Мень; поэт и священник заинтересованно обсуждали вопросы веры и культуры. К концу 50-х гг. сложилась т.н. лианозовская группа, объединившая московских поэтов и художников (поэты: Генрих Сапгир, Игорь Холин, Ян Сатуновский, Всеволод Некрасов, художники: Оскар Рабин, Валентина Кропивницкая, Николай Вечтомов, Лидия Мастеркова, Владимир Немухин, художник и поэт Лев Кропивницкий). Решающую роль в становлении группы сыграл «барачный» философ — Евгений Кропивницкий, соединивший в своей творческой деятельности живопись, музыку, поэзию (в поэзии он стремился к примитивному минимализму и образцы при этом обнаруживал в некоторых библейских текстах). Кропивницкому, как и ряду других художников, свойственно было представление о том, что в творчестве колоссальна роль непреднамеренного чувства, интуитивного предвидения, неожиданного прозрения. И даже более того — порой подчеркивалось, что чувство поэтическое и чувство религиозное при всех различиях вырастают из общей основы — из поклонения, почитания, культа. Культ, как способ взаимодействия с сакральным объектом порождает в человеке духовность; поэзия же, будучи явлением культуры, эту духовность воплощает в слове. Еще в XVIII в. Василий Третьяковский подчеркивал:

Поэзия была священнейшею, и первейшею философиєю, которая с начала веков образу жития научала, путь показывала к добродетелям, и провозжала по нем; а особливо, прославляла Бога, и его Величие и свойства¹².

А в XX в. Бродский уверял, что поэзия находится где-то на полпути между интуицией и откровением и что «всякое творчество есть по сути своей молитва»¹³. Разумеется, поэтическое стихотворение под названием «молитва» — это не самая молитва, но оно отражает то настроение, в котором человек готов молиться, оно настраивает душу на молитвенный лад. В русской поэзии периода оттепели воплотились религиозные настроения, библейские темы, мотивы, образы, стилистические формулы. Выражались они по-разному: кто-то писал о Боге, религии, вере очень серьезно, но и предельно осторожно (Шатров); кто-то — интуитивно, имплицитно (Шаламов); а кто-то в очень ярких игровых, пародийных, сатирических формах (Холин; Сапгир).

Ludmila Łuciewicz

O RELIGIJNEJ DUCHOWOŚCI W OKRESIE ANTYRELIGIJNEJ ODWILŻY

Streszczenie

W okresie odwilży system totalitarny nieco osłabił swój ucisk, ustały przerażające procesy sądowe, rozpoczęło się amnestionowanie osób represjonowanych z powodów politycznych, doszło do względnej demokratyzacji życia społeczno-politycznego, umożliwiono nieco więcej swobody w działalności twórczej, rozszerzono nieco sferę wolności słowa itp. Jednak wszystko to, co w jakikolwiek sposób dotyczyło życia religijnego: sytuacja ludzi wierzących, działalność Rosyjskiej Cerkwi Prawosławnej nie tylko się nie zmieniła, lecz — na odwrót — w porównaniu z poprzednim dziesięcioleciem uległa znacznemu pogorszeniu. W tym czasie natomiast, zgodnie ze świadectwem o. Aleksandra Mienia, Siergieja Awierincewa, i wielu pisarzy lat sześćdziesiątych, którzy pozostawili wspomnienia z tego okresu, właśnie po wojnie pojawiła się fala zainteresowania życiem religijnym i historycznej tradycji duchowości, które dla wielu rosyjskich prozaików i poetów (Pasternak, Achmatowa, Szalamow, Brodski, Tarkowski, Zabołocki, przedstawiciele wczesnego undergroundu i in.) stały się propozycją alternatywną wobec oficjalnej ideologii.

¹² В.К. Тредиаковский: *Мнение о начале поэзии и стихов вообще*. В кн.: того же: *Сочинения и переводы как стихами так и прозою Василья Тредиаковского*. Кн. 1. Санкт-Петербург: При. Им. Академии наук 1752, с. 161–162.

¹³ См.: С. Волков: *Диалоги с Иосифом Бродским*. Москва: Эксмо 1998, с. 101.

Ludmila Lucewicz

RELIGIOUS SPIRITUALITY IN THE PERIOD OF ANTI-RELIGIOUS THAW

Summary

In the period of the thaw the totalitarian system lessened its pressure. Terrifying lawsuits stopped, people victimized on the political grounds were granted amnesty, the comparative democracy of social and political life was achieved, a little more artistic independence was given together with the freedom of speech etc. However, everything that concerned religious life in any way: the situation of the believers and the activity of Russian Orthodox Church, not only had not changed but, on the contrary, it worsened significantly in comparison with the previous decade. In that time, according to the testimony of Father Alexander Men, Sergey Averincev and many writers of the sixties, who left memories from that period, precisely after the war the wave of interest of religious life and spiritual historical tradition has appeared. For many Russian poets and prose writers (Pasternak, Akhmatova, Shalamov, Brodsky, Tarkovsky, Zabolotsky representatives of early underground etc.) these became an alternative for official ideology.